

Это был глубокий, вырытый наспех подземный ход. Уже у самого входа в нос бил густой смрад крови и гнили. Снизу доносились слабые колебания духовной энергии — там скрывались уцелевшие ученики внешней секты.

У входа несли стражу люди с Пика Меча. Увидев Цюань Фушуя и Линь Яньюя, они почтительно поклонились.

Звуки шагов и голоса эхом отозвались в тоннеле. В сторону выхода посыпался град камней.

— Проваливайте! Не нужны нам ваши лицемерные милости, благородные господа из внутренней секты!

— Решили подлечить нас, чтобы потом было сподручнее издеваться?

— Если нам суждено вернуться к прежней жизни, я лучше сдохну здесь, в этой яме!

Цюань Фушуй на мгновение задумался и, понизив голос, предложил:

— Иного выхода нет. Придется усмирить их силой, иначе раны воспалятся окончательно, и тогда...

Линь Яньюй замер, в нерешительности глядя в темноту лаза. Спустя мгновение он покачал головой:

— Старший брат Цюань, прошу вас, подождите здесь. Я спущусь один. Возможно, так они будут меньше сопротивляться.

Цюань Фушуй нахмурился:

— Но ведь...

— Я просто попробую, — не терпящим возражений тоном отрезал Линь Яньюй.

Он сложил ладони в вежливом жесте и, пригнувшись, шагнул в сырой зев тоннеля.

Внизу царил непроглядная тьма и удушливая влажность. Под ногами хлюпала грязь, перемежаясь с острыми камнями. Чтобы не спровоцировать новый приступ ярости у скрывающихся, Линь Яньюй не стал использовать духовную силу для освещения. Он пробирался на ощупь, оступаясь в ямы и медленно продвигаясь вглубь.

Когда он достиг расширения тоннеля, то услышал множество людей. Кто-то лежал на земле,

едва дыша, кто-то тихо всхлипывал, кто-то глухо стонал от нестерпимой боли. Эта картина разительно отличалась от того гневного отпора, который они дали минутой ранее.

Зловоние здесь стало почти невыносимым. С трудом подавив тошноту, Линь Яньюй достал лунный камень. Мягкое сияние медленно разлилось по подземелью, разгоняя мрак.

Как только свет коснулся стен, ученики внешней секты всполошились. Вскрики ужаса перемешались с попытками собрать остатки духовной энергии. В него полетели слабые, беспорядочные заклинания.

Но какую силу могут выплеснуть те, кто едва цепляется за жизнь?

Линь Яньюй не стал уклоняться. Он позволил этим бессильным ударам разбиться о свою одежду, лишь печально глядя на несчастных.

Их состояние было ужасающим. Из-за отсутствия помощи раны почернели, начали гнить и сочиться гноем. В некоторых изъязвлениях уже копошились трупные черви.

Один был глух и нем, другие лишились конечностей. У одного несчастного кожа с половины лица была буквально содрана; лохмотья плоти свисали, сочась сукровицей, а черные личинки деловито сновали в гнилом мясе, высасывая последние искры жизни.

Линь Яньюй внезапно стало страшно.

«А что, если бы тогда я поддался минутному безумию и не спас Цинь Цзуйкуана? Неужели он сейчас лежал бы здесь, превратившись в нечто подобное — ни человека, ни призрака?»

«Он в этом мире — лишь пушечное мясо. У него нет нимба главного героя. Он тоже может умереть».

При мысли о неподвижном теле, лежащем на кровати в его пещере, Линь Яньюй захлестнула невыносимая горечь.

Ученики, видя, что пришелец не защищается и не проявляет гнева, на мгновение замерли в изумлении. Но в следующий миг крики возобновились — они требовали, чтобы он убирался.

Линь Яньюй, отбросив лишние мысли, достал еще несколько лунных камней и закрепил их на стенах, полностью освещая пространство для работы.

Только тогда ученики внешней секты смогли разглядеть его лицо. Один за другим они замолкали, с широко открытыми глазами глядя на него. Их дыхание стало прерывистым.

Лицо Линь Яньюя казалось творением небесных мастеров — словно боги взяли чистейший снег с вершин далеких гор, смешали его с сиянием луны и звезд и бережно вылепили этот безупречный образ. В его чертах не было женственности; напротив, четкие, благородные линии создавали гармонию силы и изящества.

Когда он обвел подземелье своим чистым, глубоким взглядом, ученикам показалось, будто повеяло мягким весенним ветром, приносящим долгожданное успокоение.

Они смотрели на него, замороженные. Им никогда не доводилось видеть столь прекрасного человека. Даже грязь на его богатых одеждах не могла умалить той чистоты, которую он источал.

На какое-то время они забыли, что перед ними представитель внутренней секты, которого они так ненавидели и боялись.

Наконец один из тех, кто еще мог говорить, пришел в себя и хрипло спросил:

— Ты... кто ты?

— Меня зовут Линь Яньюй.

— Линь Яньюй...

По рядам учеников пронесся шепот. Тот, кто сохранил ясность рассудка, был потрясен.

Кто в секте Сяньюй не слышал этого имени?

Еще будучи во внешней секте, он считался непревзойденным гением, чей путь в элиту был стремительным и блестящим. Позже, на алхимическом испытании, он привлек внимание мастера Даньхао и стал его личным учеником, первым среди последователей Пика Алхимии. Его слава гремела далеко за пределами секты.

Зачем такому небожителю спускаться в это темное, зловонное логово?

Линь Яньюй коротко кивнул:

— Не время для долгих разговоров. Я пришел исцелить ваши раны.

То ли от изумления, то ли поддавшись его властному спокойствию, ученики перестали сопротивляться. Они лишь следили за ним взглядами, полными подозрения и робкой надежды.

Линь Яньюй окинул взором комнату и направился в самый дальний угол. Там лежал ученик, чья жизнь висела на волоске. Казалось, душа его была готова вот-вот покинуть изможденное тело.

Поколебавшись, он достал из пространственного кольца целебный эликсир. Опасаясь, что истощенный организм не выдержит чистой мощи лекарства, он осторожно разбавил его, после чего начал бережно промывать края ран, позволяя целебной силе просачиваться внутрь.

Остальные ученики наблюдали, как он касается почерневшей, гнилой плоти своими безупречно белыми руками, от которой исходил тошнотворный запах. В их душах смешивались неверие и благоговение.

Лишь после того, как он трижды обработал раны, дыхание несчастного стало ровнее. Тогда Линь Яньюй достал тонкий ланцет и начал срезать омертвевшую плоть.

Грязная кровь и гной пачкали длинные пальцы алхимика, но он не выказал ни капли брезгливости. Весь его мир сузился до раны перед ним. На этот раз он не допустил ни единой ошибки — не так, как во время лечения Цинь Цзуйкуана.

Когда работа была закончена, Линь Яньюй вытер пот со лба, тяжело вздохнул и перешел к ученику с изуродованным лицом.

Стоило ему коснуться раны, как из гнилого мяса посыпались трупные черви. Те, что остались внутри, потревоженные, начали в панике зарываться глубже в живую плоть.

— А-а-а!

Ученик был в сознании. Не в силах терпеть боль, он закричал, обливаясь слезами. Он беспорядочно размахивал руками и в какой-то момент вцепился в рукав Линь Яньюя, раздирая дорожную ткань.

Продолжая очищать рану, Линь Яньюй заговорил мягким, успокаивающим голосом:

— Потерпи еще немного. Скоро станет легче. Твое лицо можно вылечить, после восстановления ты будешь выглядеть как прежде.

Ученик бросил на него робкий взгляд и мертвой хваткой вцепился в обрывок ткани. Больше он не издал ни звука.

Линь Яньюй переходил от одного раненого к другому. Цюань Фушуй дважды заглядывал в тоннель, торопя его, но он не позволял никому входить, пока не убедился, что страх и недоверие окончательно покинули этих людей.

Пот заливал его лицо, пряди волос прилипли к вискам. После недавних битв с Орхидеей Алого Сумрака и Трехлистным цветком Лазурного Небосвода он едва успел перевести дух, и теперь усталость свинцовой тяжестью навалилась на него. Он стал смертельно бледным.

Видя это, ученики решили, что он истощил свои силы исключительно ради их спасения. Они почувствовали стыд и глубокую благодарность. Превозмогая боль, они пытались поклониться ему.

— Спасибо, старший брат Линь! Мы виноваты перед вами, простите нашу дерзость... Мы заслуживаем смерти!

[Уведомление системы]

[Поздравляем! Репутация среди учеников секты Сяньюй повышена на 100 очков]

«Всего сто? Почему так мало?» — мысленно спросил Линь Яньюй.

«В данной локации находится небольшое количество учеников, поэтому прирост очков ограничен».

Линь Яньюй вздохнул. Теперь понятно. Когда он сражался с Вратами Священной Дани или спорил с Залом Наказаний, его видела целая толпа, и очки капали тысячами. А здесь — едва ли полтора десятка человек.

Очистив руки с помощью очищающего заклинания, он спросил их:

— Как вы здесь оказались? И как давно скрываетесь?

Его удивляло одно: раны этих людей были ужасны, но рассудок оставался ясным. Это никак не вязалось со словами старейшины Цзюэ о том, что ученики якобы сошли с ума, наглотавшись пыльцы орхидей.

Один из тех, чьи раны были не столь тяжелыми, ответил:

— Мы здесь уже больше двух месяцев. Отказались платить дань тем негодьям, и они начали нас преследовать. Избиения, издевательства... Когда стало совсем невмоготу, мы тайно вырыли этот ход и спрятались.

Больше двух месяцев? Линь Яньюй помнил, что, когда главный герой романа был во внешней секте, беспредел еще не достигал таких масштабов. Впрочем, стоило кому-то из «внутренних» задеть героя, тот быстро проучивал наглецов, отбивая у других охоту лезть на рожон.

«Кружочки» внешней секты, появление Орхидеи Алого Сумрака уровня Зарождающейся Души — всё в этом мире начало меняться с его приходом, становясь куда более непредсказуемым и опасным, чем в оригинальном сюжете.

— Вы знаете, откуда взялись те орхидеи снаружи? — снова спросил он.

Большинство лишь качали головами. Однако один из учеников подал слабый голос:

— Кажется, я видел... Был человек в черном. Он повсюду разбрасывал семена.

Линь Яньюй насторожился:

— Человек в черном? Ты заметил что-нибудь особенное в нем?

Ученик нахмурился, пытаясь вспомнить детали.

— Он был сухощавым, не очень высоким. Над его головой... над ним плыла река из фиолетового света. Из этой реки тянулись призрачные руки и бросали семена в землю. Он был очень силен, я едва не выдал себя. Хорошо, что в тот момент мимо проходили негодяи из внутренней секты, искавшие наш лаз. Он испугался разоблачения, мгновенно убрал свою реку и исчез.

«Фиолетовая река? Призрачные руки?»

«Не тот ли это таинственный убийца, что покушался на Цинь Цзуйкуана?»

Мастер на стадии Зарождающейся Души, досконально знающий территорию секты и способный так долго оставаться незамеченным...

Вывод напрашивался сам собой: предатель — один из старейшин. Двойное совершенствование на крови, семена запретных цветов — всё это звенья одной цепи.

«Какова его истинная цель?»

Линь Яньюй стало не по себе. Нужно немедленно сообщить об этом мастеру Даньхао. Пока предок Лие в коме, любая искра может превратить секту Сяньюй в пепелище.

Видя его нарастающее беспокойство, ученики тоже заволновались.

— Кто этот человек в черном?

— Старший брат Линь, в секте беда?

Линь Яньюй вкратце рассказал им о распространении зловещей техники и странных цветах, после чего строго наказал:

— О человеке в черном — ни слова. Забудьте об этом, если хотите выжить.

— Не волнуйтесь, старший брат! Мы будем немы как рыбы!

— Пусть меня громом поразит, если я проболтаюсь!

Линь Яньюй смягчился:

— Глава секты и старейшины уже начали очищение. Виновные понесут наказание. Скоро всё изменится, потерпите еще немного. Не сдавайтесь.

Кто-то из учеников зарыдал:

— Если бы вы не спустились за нами, я бы уже гнил в этой яме... Для меня ваше слово теперь — закон.

Остальные подхватили, утирая слезы:

— Мы будем слушать только вас, старший брат...

Успокоив их еще раз, Линь Яньюй велел воинам Пика Меча забирать людей.

Когда он снова выбрался на поверхность, солнце уже коснулось горизонта. Закат окрасил руины внешней секты в тревожные оранжевые тона, наводя холодную тоску.

Цюань Фушуй, заметив бледность Линь Яньюя, мягко сказал:

— Возвращайся, Младший брат Линь. Мы здесь уже почти закончили, я сам присмотрю за остатком дел.

Он поблагодарил его, собрал своих алхимиков и повел их прочь.

Когда они добрались до обители, на горы опустилась глубокая ночь.

Мастер Даньхао всё еще находился в глубокой медитации, поэтому Линь Яньюй не стал его беспокоить и сразу прошел во внутренние покои.

Состояние Цинь Цзуйкуана наконец изменилось. Дыхание оставалось прерывистым и слабым, но та смертельная аура угасания, что окутывала его раньше, исчезла. Кожа юноши начала испускать едва заметное белое свечение — лекарственные травы вступили в реакцию, медленно проникая в плоть.

Наконец-то его тело начало принимать помощь!

Линь Яньюй захлестнула радость. Есть отклик — значит, есть надежда. Неважно, сколько времени это займет: день, месяц или годы.

Он был готов потратить любые силы и любые сокровища мира, лишь бы этот человек снова открыл глаза.

<http://bllate.org/book/17424/1659249>